

Глава 9 Шестой год Шэньчу

Дерево, которое выделяется в лесу

- Сними одежду, сестра нанесёт тебе лекарство.

А-Сюнь смешала су фан, дудник китайский, женьшень, сафлор и другие китайские травы, чтобы приготовить лекарственную пасту. Она нанесла её на пластырь, слегка нагрела над масляной лампой и приготовилась приложить к своей руке в качестве согревающего компресса.

А-Сюнь попросила А-Лай снять одежду, но та лишь крепче вцепилась в воротник.

- Почему ты стесняешься меня? - А-Сюнь нашла это забавным. - Когда ты была маленькой и твоя мать болела, я даже помогала тебе мыться. А теперь, когда выросла, стала со мной так церемониться. Давай быстрее, а то мазь остынет, и придётся греть заново.

У А-Лай как раз в последние дни начались месячные, и две маленькие выпуклости на груди медленно поднимались, делая изменения в теле для неё неловкими. О такой смущающей теме нельзя было давать знать А-Сюнь.

- Дай мне, я сама. - А-Лай протянула руку за компрессом.

А-Сюнь не отняла его, она лишь смотрела на неё с понимающей улыбкой, словно уже разгадала её мысли.

Взяв пластырь и повернувшись спиной, А-Лай неловко и упрямо согнула руку, пытаясь через одежду дотянуться до ушибленного места на спине.

А-Сюнь села за стол со стопкой бамбуковых листочков и небольшим количеством шёлковых свитков, прибавила свет масляной лампы и погрузилась в древние тексты.

Тёплый пластырь покрыл ушибленное место, быстро заставив напряжённое тело А-Лай значительно расслабиться. Застоявшаяся кровь снова начала свободно течь по нему. А-Лай подвигала руками и ногами и увидела, как сестра подпирает голову одной рукой, а другой переворачивает бамбуковые листы и шёлковые свитки, словно пытаясь найти в безбрежном море книг нужный ей ответ, но безуспешно. Чем дольше она листала, тем больше разочаровывалась, и её глаза, иссушенные и раздражённые жаром лампы, начали слезиться.

- Сестра целый день занята, тебе стоит отдохнуть, - посоветовала ей А-Лай, видя её покрасневшие глаза.

А-Сюнь покачала головой.

- Сейчас разбойники свирепствуют, Цисянь в беде. Хотя Сунь Минъи привёл две тысячи воинов из соседнего уезда для поддержки, даже с изначальными тремя тысячами солдат Цисяня и нашими частными войсками семьи Се, всего у нас меньше семи тысяч человек. Разбойников слишком много, и они уже рассеялись по городу. Во-первых, их трудно выискивать и уничтожать, а во-вторых, если произойдёт прямое столкновение, пострадает простой народ. Наша Великая Юй уже измучена войнами, здоровые мужчины годами сражаются на северном фронте, неся бесчисленные потери. Государственная казна пуста, зерно трудно собрать. Вдобавок мы столкнулись с годом великого голода и бесчинствующими разбойниками. Почему судьба нашей Великой Юй так плоха? Эх... Мне надо быстрее придумать способ облегчить

отцовские заботы.

Эти трактаты отец с большим трудом и деньгами собирал в разных местах, так что в древних текстах наверняка есть какие-то методы. Иначе это просто куча хлама. К сожалению, после полудня поисков всё, что я нашла это тёмные и трудные для понимания фразы. Почему древние не могли говорить понятнее?

А-Лай стояла в стороне, не зная, смеяться ей или нет. С детства она видела, как госпожа гонялась за А-Сюнь, заставляя её читать больше книг, но та никогда не слушалась и любила только играть с мечами и копьями. Сколько бы учителей ни нанимали для неё, всех прогоняли. Сама А-Сюнь говорила, что не создана для учёбы. Но по мере взросления господин Се часто брал её с собой по делам, и расширившийся кругозор заставил её понять, что изучение классики - основа для стабильности в жизни. Ей хотелось читать больше книг, но она засыпала, как только брала в руки очередной том, и её раздражал неуклюжий и неразборчивый язык древних, который, казалось, был создан для того, чтобы быть непонятым другими.

А-Сюнь спросила:

- А-Лай, как долго я учу тебя боевым искусствам?

- Больше трёх лет, сестра

- А чтению и письму?

- Два года.

- Хотя ты знаешь не так много иероглифов, ты не совсем неграмотна. Помоги мне просмотреть эти свитки, посмотри, есть ли там какие-нибудь древние методы, которые мы могли бы использовать в текущей ситуации.

- Да.

А-Лай взяла тяжёлые бамбуковые свитки, села на пол и стала под светом лампы открывать их один за другим, временами поглядывая на озабоченную А-Сюнь и размышляя, стоит ли подождать, пока сгорит палочка благовоний, прежде чем притвориться, что она только что придумала решение. Нет, ей действительно следует сначала найти соответствующий классический текст, чтобы сестра не заподозрила, что она уже разработала план. Мать говорила держаться в тени, она боялась побоев и не смела послушаться.

После долгих поисков, за которое сгорают две палочки благовоний, А-Лай наконец нашла в анналах императора Гуан У из предыдущей династии запись, связанную с управлением беженцами.

- Сестра, смотри, мы можем использовать этот метод. Мы можем расселить людей из Цзиси по различным уездам Суйчуаня, подселить их в крупные кланы, а затем единообразно включить их в армию, обеспечив их пищей и жалованьем. Когда их животы будут полны, они перестанут устраивать беспорядки, верно?

А-Сюнь нахмурилась и взяла у неё из рук бамбуковую планку.

- Где? Дай посмотреть.

- Эм... вот это предложение.

Прочитав, А-Сюнь удивлённо посмотрела на А-Лай.

- «Император Гуан У включил беженцев в третий год Цзиси». Это всего одно предложение. Как ты столько всего из него вынесла?

А-Лай действительно была поймана с поличным.

На самом деле термин «включить» уже заключал в себе много информации. По словам её матери, решения проблемы беженцев на протяжении истории в целом следовали одной схеме: расформировать, зарегистрировать, принять, накормить, а затем отправить на передовую. Это не только устраняет угрозу, но и усиливает армию, убивая двух зайцев одновременно.

Неожиданно её сестра этого не поняла, и встречный вопрос оставил А-Лай на мгновение ошеломлённой. Затем она сказала:

- Сестра, ты разве забыла? В прошлом году учитель, которого господин Се нанял для тебя, рассказывал нам историю о том, как император Вэнь лично усмирять восток. В той истории упоминался метод включения. Тогда на протяжении трёх месяцев ты таскала меня слушать, но, к сожалению, я была слишком глупой и после прослушивания забыла. Только увидев анналы императора Гуан У, я вспомнила об этом методе.

- Правда? - А-Сюнь смутно припоминала историю «Император Вэнь усмирять восток», но не помнила метода включения. Она слегка покосилась на А-Лай, несколько удивлённая её хорошей памятью. Однако метод и вправду был хорош, поэтому она сказала А-Лай:

- Ладно, тогда завтра я расскажу об этом отцу. Возможно, пригодится.

А-Лай сопровождала А-Сюнь, просматривая свитки до глубокой ночи, прежде чем вернуться в свои покои.

Когда она открыла дверь, скрип эхом разнёсся в пустой комнате. Она не зажгла лампу, боясь потревожить сон матери, и осторожно, на цыпочках, пробралась на кровать. Когда она протянула руку, то обнаружила, что постель холодная.

Матери не было?

А-Лай поднялась с кровати, зажгла лампу и осмотрела комнату, но действительно не увидела мать.

Разве она не вернулась рано? Куда же она могла пойти так поздно?

Вспомнив о трагической гибели Четвёртой тётушки сегодня, А-Лай в тревоге направилась наружу поискать Сяоши и столкнулась с ней, как раз когда та входила в комнату.

- Мама? Ты где была?

Сяоши выглядела усталой, её глаза были опущены, и даже голос звучал тихо. Она похлопала А-Лай по затылку и сказала:

- Ничего. В комнате было слишком душно, вышла прогуляться, подышать воздухом. Иди спать.

На улице было так холодно и ветрено, что подышать свежим воздухом было невозможно, она могла даже задохнуться от холода.

Мать явно лгала, но А-Лай не стала её разоблачать. Вместо этого она помогла совершенно измождённой женщине лечь отдохнуть.

Пока она помогала матери снять обувь, та снова нежно погладила её по голове. А-Лай, присевшая у кровати, подняла глаза и послушно улыбнулась ей.

В мерцающем свете свечи на тыльной стороне материнской руки виднелись старые, потемневшие со временем шрамы и затвердевшие мозоли на ладонях, которые никак не сходили. Эти руки были совершенно непохожи на другие. Когда А-Лай была маленькой, она как-то спросила, откуда эти шрамы, но мать дала лишь уклончивый ответ.

Мать не хотела об этом говорить, и А-Лай больше не спрашивала. Быть послушной и почтительной дочерью было важнее всего.

Как обычно, после массажа ног и коленей матери она заснула, прислонившись к её руке.

Ночь становилась глубже, роса тяжелее, и холодный ветер просачивался в их ветхий дом со всех сторон. Комната, где жила прислуга, была расположена близко к главной дороге за пределами поместья, и время от времени доносились крики снаружи. То были беженцы, устраивающие беспорядки.

Но пока она была рядом с матерью, она чувствовала себя в безопасности.

- Что? Ты предложила А-Сюнь принять беженцев?

Вчера они заснули вместе, и сегодня рано утром начали обсуждать прошедшие события. Сяоши размышляла о стратегиях, которые семья Се может применить дальше, и А-Лай невзначай проговорила, раскрыв дело. Как и ожидалось, она получила основательную взбучку от Сяоши.

- А-Лай, что я тебе повторяла снова и снова? Скажи мне!

А-Лай опустила голову:

- Мама говорила, что, кроме крайней необходимости, нельзя показывать наши навыки в боевых искусствах и знание классики.

- И что ты сделала?

- Но ситуация уже достигла критической точки. Беженцы окружили город, и Четвёртая тётюшка пострадала от великого несчастья. С детства мама учила меня, что добро нужно воздавать, даже если это всего лишь травинка, и возвращать его, как преданная собака или конь. Все в доме Се относятся ко мне как к служанке, кроме сестры, которая признает меня, учит читать, писать и заниматься боевыми искусствами, чтобы укрепить тело. Кроме матери, сестра лучше всех ко мне относится, как же я могла стоять в стороне и ничего не делать, видя, как она попадает в опасность?

- Ты ещё и спорщица. Раз уж помнишь о воздаянии за добро, должна понимать и принцип верности семье. Я каждый день напоминаю тебе быть настороже, и не просто так болтаю попусту. А-Лай, ты умна, но иногда тебе не хватает глубины взгляда. Желание отплатить за доброту А-Сюнь похвально, но А-Сюнь не глупа. Если хочешь помочь ей, просто намекни слегка, и она поймёт. Слишком свободные речи могут задеть её гордость и вызвать подозрения.

- Мама права. В будущем буду осторожнее.

- Эх... Не вини мать за ворчание. Даже если А-Сюнь относится к тебе как к сестре, ты не можешь по-настоящему считать её таковой. Мы всего лишь слуги дома Се, и нам не следует и невозможно иметь какие-либо амбиции. Ты должна помнить, что самое высокое дерево в лесу первым падает от ветра. Твоя мать учила тебя боевым искусствам только на случай, если что-то случится, а не потому, что хочет, чтобы ты выделялась. Величайшее желание матери, чтобы ты жила хорошо и безопасно. Понимаешь?

А-Лай смущённо кивнула:

- А-Лай понимает, но мама, что может случиться? А что если что-то произойдёт?

Сяоши посмотрела на свою дочь, чьё лицо походило на её собственное, и словно давая обещание, сказала:

- Пока мама здесь, не будет никакого «а что если».

Со стороны Госпожи Яо потребовались некоторые усилия, чтобы успокоить гнев Се Тайхана. Зная, что сегодня ночью он останется в другом дворе, она не задерживалась и взяла людей, чтобы пойти в зал предков проведать сына. Хотя Се Тайхан открыто не винил её в деле с Четвёртой тётушкой, в душе он наверняка был недоволен. Однако, учитывая её происхождение из Нанья и тот факт, что она родила ему сына и дочь, она не могла выместить свою злость на нём, поэтому могла выместить её только на сыне. Хотя действия Чэнъи были бездумны, они нечаянно устранили занозу, которая много лет терзала её сердце.

Недовольство Се Тайхана принесло ей лёгкое чувство удовлетворения, и она не могла не улыбнуться, идя по улице.

Глубокая привязанность, которую они с Се Тайханом когда-то разделяли, теперь превратилась в борьбу интересов. Когда-то она мечтала о лучшей жизни, но теперь, во внутреннем дворе, потратила половину своих сил на нескольких наложниц.

К счастью, у неё всё ещё был сын.

Даже если он был некомпетентен, пока она, хозяйка дома Се, оставалась у власти, положение Чэнъи как наследника семьи Се будет незыблемо, как гора Тайшань.

Се Суйшань, который одиноко стоял на коленях в холодном зале предков, увидев, что мать пришла, поспешно подполз к ней и с великой обидой воскликнул:

- Мама!

Госпожа Яо, которая весь день плохо спала и бегала по дому, почувствовала, как от холодного ветра начинает болеть голова:

- Отец лишь наказал тебя стоять на коленях в зале предков, это самое лёгкое наказание.

- На этот раз я действовал опрометчиво, и принимаю наказание. Но мама, это явно была та презренная рабыня А-Лай, она бросила Четвёртую тётушку и сбежала, из-за чего та погибла от рук беженцев. А отец взвалил вину на меня и вовсе не наказал презренных рабынь - мать и дочь! И А-Сюнь, она же моя родная сестра, но она целыми днями водится с той рабыней и ещё сегодня отхлестала меня кнутом! Никакого уважения к старшему брату! Смотри, след от кнута

ещё не сошёл.

Госпожа Яо слегка нахмурилась:

- Отец велел тебе не вмешиваться в дела А-Лай и её матери. Просто оставайся здесь и размышляй, не создавая больше неприятностей. Я поговорю с А-Сюнь. Если хочешь, чтобы она уважала тебя, сначала утверди свой авторитет как старшего брата.

Се Суйшань видел, что мать равнодушна к А-Лай и её матери, и с тревогой сказал:

- Мама, все эти годы отец игнорировал А-Лай и её мать и даже позволял слугам по своему усмотрению издеваться над ними. Но сегодня он не только остановил меня, когда я хотел их убить, но даже не наказал их. Разве это не подозрительно? В прошлом отец, будучи пьяным, совершил ошибку, но, глядя на внешность А-Лай, можно представить красоту Сяоши в молодости. Кто сказал, что Сяоши не станет ещё одной Четвёртой тётушкой? Мама, тебе нужно заранее планировать! Нельзя позволить этим матери и дочери жить в этом мире!

Госпожа Яо надеялась, что этот инцидент поможет Се Суйшаню немного повзрослеть, но не ожидала, что он будет так недалёковиден, и всё ещё заиклен на внутренних распрях. Она сердито отчитала его:

- Ты часто жалуешься, что отец ценит А-Сюнь больше, но посмотри на себя! Мужчина должен быть начитан и иметь высокие устремления! А что ты? Есть у тебя что-нибудь ещё в голове? Отец был слишком мягок, наказывая тебя!

Се Суйшань не ожидал, что снова сказал что-то не то. Он поспешно извинился, хотя в душе затаил обиду.

Он был законным сыном семьи Се, почему всё, сделанное им, никогда не нравилось родителям? А-Сюнь была всего лишь дочерью, и её польза заключалась лишь в том, чтобы выйти замуж в семью Сюнь, укрепив этим власть семьи Се. Всё, что он только что сказал, было ради матери, а его встретили руганью.

Они действительно стареют и впадают в маразм, их умы уже не работают как следует.

КП:

Чел, хватит винить других в своей некомпетентности и глупости! - bilydugas

боооже какой он бесячий, сам накосячил, а потом все вокруг виноваты, так хочет чего-то стоять в глазах отца, но даже вины своей признать не может - joouanny

<http://bllate.org/book/17227/1612187>